

DOI: 10.31857/S013038640020806-4

© 2022 г. В.А. АВАТКОВ, Т.В. КАШИРИНА, В.Д. ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ТУРЦИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Аватков Владимир Алексеевич — доктор политических наук, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: v.avatkov@gmail.com

Scopus Author ID: 55968832200; ORCID: 0000-0002-6345-3782; Researcher ID: AAD-9769-2020

Каширина Татьяна Владиславовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия).

E-mail: kashirina73@mail.ru

Scopus Author ID: 57200576196; ORCID: 0000-0002-4361-7778

Останин-Головня Василий Дмитриевич — научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5937-8786

Аннотация. Статья посвящена анализу основных направлений современной политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции. Стратегическое положение Ближнего Востока, наряду с высоким уровнем конфликтности и другими факторами, превратило данный регион в «гордиев узел» мировой политики. Проблема обеспечения безопасности в нем является одним из ключевых пунктов как ближневосточной, так и глобальной повестки.

На современном этапе большинство внутренних процессов на Ближнем Востоке зависит от расстановки сил между региональными «тяжеловесами», такими как Иран, Израиль, Турция, некоторые арабские страны во главе с Саудовской Аравией. Однако комплексные исследования в данном проблемном поле практически не встречаются в историографии, чем обуславливается новизна.

В статье рассматривается современная региональная политика безопасности Эр-Рияда и Анкары, поскольку они, располагая значительными ресурсами, стремятся достичь своих целей как на международном уровне, так и на самом Ближнем Востоке, конкурируя за лидерство в нескольких пересекающихся областях. При этом в силу географической близости и других факторов сферы интересов саудовского и турецкого внешнеполитических курсов зачастую совпадают. Цель статьи заключается в выявлении и анализе данных сфер в контексте текущих региональных процессов.

Основные источники работы — открытые документы правительств Саудовской Аравии, Турции и ряда региональных организаций, а также выступления официальных лиц. Авторы, опираясь на идейно-ценностный подход, системный, институциональный и исторический методы, проводят параллели между политикой региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции на Ближнем Востоке, выявляя сферы пересечения интересов двух государств, которые не только лежат в основе их сотрудничества, но и создают почву для конкуренции между ними.

Авторы отмечают сходство и различие политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции на уровне концептуальных подходов, а также по конкретным направлениям: Сирии, Ираку, Катару и Ирану.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Турция, Ближний Восток, региональная безопасность, региональная политика, политика безопасности.

V.A. Avatkov, T.V. Kashirina, V.D. Ostanin-Golovnya

The Evolution of the Regional Security Policy of Saudi Arabia and Turkey: Similarities and Differences

Vladimir Avatkov, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: v.avatkov@gmail.com

Scopus Author ID: 55968832200; ORCID: 0000-0002-6345-3782; Researcher ID: AAD-9769-2020

Tatyana Kashirina, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia).

E-mail: kashirina73@mail.ru

Scopus Author ID: 57200576196; ORCID: 0000-0002-4361-7778

Vasily Ostanin-Golovnya, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5937-8786

Abstract. The authors analyse the configuration and major directions of the current regional security policies of Saudi Arabia and Turkey, as some of the leading players in the Middle East. The strategic location of the region, combined with high levels of conflict and a number of other factors, has turned the region into a real Gordian knot of global politics. The issue of security in this part of the world is a key item on both the Middle Eastern and global agenda.

Most of the internal processes in the Middle East today depend on the balance of power among regional 'heavyweights', the most prominent of which are Iran, Israel, Turkey, and a number of Arab countries headed by Saudi Arabia. The authors examine the current regional security policies of Riyadh and Ankara as they, with their considerable resources, seek to realise their ambitions both internationally and regionally, resulting in direct competition for leadership in several overlapping areas between them. At the same time, due to geographical proximity and a number of other factors, the spheres of interest of Saudi and Turkish foreign policies often overlap.

The authors draw parallels between the regional security policies of Saudi Arabia and Turkey in the Middle East, identifying overlapping areas of interest between the two countries that not only underpin their cooperation, but also create grounds for competition between them.

Keywords: Saudi Arabia, Turkey, Middle East, regional security, regional politics, security policy.

Одной из важнейших проблем Ближнего Востока начиная с середины XX в. является обеспечение безопасности. В силу специфики региона достаточно трудно обозначить его четкие границы, а «локальные конфликты» здесь в большинстве случаев имеют широкий резонанс на глобальной арене и несут косвенную (или даже прямую) угрозу международной стабильности, что объясняется несколькими факторами.

Стратегическая ценность Ближнего Востока обусловлена его геополитическим положением. После открытия месторождений нефти и природного газа в начале XX в. резко возросла и экономическая значимость региона для мирового рынка энергоносителей. Не менее важна и его культурная уникальность. Ближний Восток является родиной и духовным центром трех религий – иудаизма, христианства и ислама.

При этом в политическом плане данный регион по меркам истории достаточно молод. Границы современных ближневосточных государств возникли лишь в прошлом веке на

волне глобальных трансформаций, вызванных Первой и Второй мировыми войнами. Подавляющее большинство стран имеет колониальное или подмандатное прошлое, что по инерции обеспечивает Великобритании и Франции возможность играть ощутимую роль в их внутренних делах. Последние несколько лет особенно четко влияние внерегиональных акторов прослеживается на примере России, США и Китая.

Тем не менее большинство процессов и собственно политические границы Ближнего Востока на современном этапе по большей части определяются расстановкой сил между такими «тяжеловесами», как Иран, Израиль, Турция и некоторыми арабскими странами, среди которых по объективным причинам выделяется Саудовская Аравия¹. Открытым остается вопрос о региональном лидерстве, что напрямую сказывается на политике региональной безопасности этих государств. Практически не проявляя стремления к межгосударственной интеграции в данной области, каждый игрок стремится укрепить национальный суверенитет и реализовать собственное видение будущего развития региона. Базовыми инструментами реализации интересов в данной сфере можно назвать армию и службу безопасности², которые на Ближнем Востоке традиционно считаются весьма надежными социальными структурами.

Крайне важно учитывать и идейно-ценностный фактор. В странах Азии и Африки восприятие безопасности и понимание ряда вопросов международной повестки в этой области зачастую отличаются от западного³. Из-за специфики, связанной с историческим опытом и этноконфессиональным фактором, политика национальной и региональной безопасности на Ближнем Востоке по-прежнему ориентирована не на решение транснациональных проблем и «новых угроз», например климатических изменений, а на обеспечение государственного суверенитета и реализацию собственных проектов. В качестве подтверждения подобных тенденций в данной статье предлагается рассмотреть конфигурацию и основные направления современной политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции, которые сегодня не просто входят в число ведущих акторов региона, но и соперничают за звание регионального лидера.

ПОЛИТИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Отправной точкой формирования современного курса политики региональной безопасности Саудовской Аравии принято считать вступление на престол короля Салмана ибн Абд аль-Азиза в январе 2015 г., за которым последовало стремительное возвышение Мухаммада ибн Салмана, ставшего в 2017 г. наследным принцем. По инициативе последнего 25 апреля 2016 г. королевство принимает стратегический план «Видение: 2030»⁴, который не просто утвердил приоритеты внутреннего и внешнего развития страны до 2030 г., а обрел «характер национальной идеи»⁵.

Несмотря на исключительно позитивный тон программных текстов, необходимость разработки подобного плана была продиктована новыми вызовами и угрозами, возникшими на волне событий «арабской весны» 2010-х годов. В частности, все модернизационные и инвестиционные проекты «Видения: 2030» имеют под собой общую цель – диверсификацию экономики для избавления от нефтяной зависимости. То же относится и к «либерализации» общественной жизни, предусматривающей расширение прав женщин и «повышение прозрачности» госсектора, которая де-факто должна повысить уровень доверия к власти различных социальных страт и укрепить позитивный имидж правящей династии Аль Сауд.

¹ Политика безопасности стран современного Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. М., 2021. С. 37–39.

² *Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security.* Cambridge, 2003.

³ Политика безопасности стран современного Востока. С. 8.

⁴ Ru'yah Al-Mamlakah Al-Arabiyyah As-Sa'udiyah 2030: Al-Ifitahiyah // URL: <https://vision2030.gov.sa/ar/foreword> (дата обращения: 20.11.2021).

⁵ *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия сегодня // Свободная мысль. 2018. № 2 (1668). С. 84.

При этом обеспечение внутренней стабильности требуется Эр-Рияду для продвижения своих интересов в регионе и мире. В соответствующем разделе среди основных сильных сторон королевства в «Видении: 2030» прямо указано, что Королевство Саудовская Аравия (КСА) является «сердцем арабского и исламского миров», а стратегическое положение обеспечивает ей роль «основного двигателя международной торговли между тремя континентами – Африкой, Азией и Европой»⁶. Во многом это соответствует традиционным векторам внешней политики Саудовской Аравии, которые начали формироваться после совпавших по времени Исламской революции в Иране и теракта в Мекке 1979 г.⁷:

1. Региональный вектор: позиционирование себя как безусловного лидера арабского мира и гегемона в зоне Персидского залива.

2. Общемусульманский вектор: укрепление имиджа «родины ислама» и главного защитника исламских ценностей в мире.

На региональном направлении в период 1990–2000-х годов главным инструментом Эр-Рияда был Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). После оккупации Кувейта и Второй войны в Заливе 1990–1991 гг. члены ССАГПЗ интенсифицировали сотрудничество в области безопасности, в результате чего в 2002 г. численность военного контингента организации «Щит полуострова» была значительно увеличена, а в 2003 г., перед Иракской войной совместные силы передислоцировались в Кувейт для отражения потенциальной агрессии северного соседа⁸.

В период 2000-х годов, после иракского кризиса, доминантой внешней политики КСА принято считать принцип «умеренности». Усиление группировки войск США в зоне Персидского залива дало возможность саудитам сосредоточиться на внутренней повестке и нефтяном секторе, а резкая актуализация проблемы терроризма на международном уровне вынудила Эр-Рияд говорить об Иране не как о центре шиитского радикализма, а как о «стратегическом сопернике». Однако с началом «арабской весны» антииранский алармизм вновь стал играть одну из ведущих ролей в политике ССАГПЗ⁹.

Безусловно, влияние ближневосточных протестов 2010-х годов затронуло монархии Залива, в отличие от Туниса, Ливии, Египта, Йемена и Сирии, лишь по касательной. Опасной была только ситуация в Бахрейне, где в феврале 2011 г. волнения переросли в восстание с призывами свергнуть «суннитский монархический режим»¹⁰. Тогда в ССАГПЗ открыто заявили о поддержке шиитских протестов со стороны Ирана, что дало возможность Совету задействовать контингент «Щита полуострова» для «обеспечения безопасности и порядка»¹¹. С учетом того, что в марте 2011 г. саудовскую провинцию Эш-Шаркийя, где находятся крупные месторождения нефти, охватили демонстрации местных шиитов, можно сказать, что Эр-Рияд расценивает любые волнения в регионе с проиранской (или шиитской) окраской как прямую угрозу внутренней безопасности.

Более того, вовлеченность в сирийский конфликт и непосредственное участие в Йеменской войне свидетельствуют, что Саудовская Аравия, в отличие от большинства суннитских

⁶ Ru'yah As-Sa'udiyah 2030: Ru'yah Tamuha li'Umat Tamuha // URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/v2030/overview/> (дата обращения: 20.11.2021).

⁷ *Останин-Головня В.Д.* Саудовская Аравия и региональная суннитская солидарность // Сборник по итогам III международного конкурса студенческих научно-аналитических работ по ближневосточной проблематике им. Е.М. Примакова. 2019 / под ред. В.А. Аваткова. М., 2019. С. 105–106.

⁸ *Мелкумян Е.С.* Совет сотрудничества арабских стран Залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов // Нации и национализм на мусульманском Востоке / отв. ред. В.Я. Белокреницкий. М., 2015. С. 457–458.

⁹ *Беренкова Н.А.* Бахрейн и региональная шиитская солидарность // URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/> (дата обращения: 20.11.2021).

¹⁰ *Мелкумян Е.С.* Указ. соч. С. 458–459.

¹¹ Amin Eam Majlis at-Taeawun li-ash-Sharq al-'Awst: Dukhul al-Quaat al-Khalijiat lil-Bahrayn laysa badieah // URL: <https://archive.aawsat.com/details.asp?section-4&article-612744&issueno-11796#.YoJhKfNBy-8> (дата обращения: 20.11.2021).

стран Ближнего Востока, не считает перспективу формирования «шиитского полумесяца» виртуальной категорией¹², а видит в ней реальную угрозу, для противодействия которой необходимо образование единого суннитского блока. Ярким подтверждением тому служит образование 15 декабря 2015 г. Исламской военной антитеррористической коалиции (ИВАК) по инициативе занимавшего на тот момент должность министра обороны Мухаммада ибн Салмана.

Хотя ИВАК до сих пор не была прямо где-либо задействована, даже стратегические задачи возглавляемого Саудовской Аравией альянса сформулированы в достаточно общем и обтекаемом виде¹³:

1. Увеличение вклада исламских стран в достижение глобальной безопасности и мира.
2. Укрепление солидарности и сотрудничества стран-членов с целью создания единого фронта для противостояния террористическим организациям, стремящимся дестабилизировать безопасность и исказить имидж ислама и мусульман.
3. Противодействие радикальной идеологии и экстремистской пропаганде посредством стратегических коммуникационных кампаний.
4. Подтверждение умеренных ценностей, принципов мира, терпимости и сострадания исламской религии.
5. Финансирование борьбы с терроризмом с целью содействия поддержанию и разработке международной нормативно-правовой базы и оперативной деятельности.
6. Установление стратегических партнерских отношений между странами-членами и поддержка международных организаций для обмена информацией и опытом в области борьбы с терроризмом.

Что касается состава Исламской военной антитеррористической коалиции, то на данный момент в нее входит 41 (из 57) государство – члены Организации исламского сотрудничества, правительства которых контролируются суннитами¹⁴:

Ближний и Средний Восток: Афганистан, Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Оман, Пакистан, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Тунис, Турция, ОАЭ, Йемен (21/41≈51%);

Африка: Бенин, Буркина-Фасо, Чад, Коморы, Кот-д'Ивуар, Габон, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мальдивы, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того, Уганда (17/41≈42%);

Южная и Юго-Восточная Азия: Бангладеш, Бруней, Малайзия (3/41≈7%).

С учетом того, что за бортом ИВАК остались Сирия, Ирак и Иран, особенно интересным представляется тот факт, что США, Великобритания, Франция и Германия получили в данном блоке статус «государств поддержки».

В целом же создание коалиции следует рассматривать в качестве логичного продолжения «перегруппировки приоритетов» внешней политики Саудовской Аравии, которая на фоне событий «арабской весны» стала отходить от «мягкой дипломатии» в сторону нового «жесткого» курса, в результате чего в январе 2016 г. Эр-Рияд пошел на разрыв дипломатических отношений с Тегераном, окончательно обозначив Иран в качестве «основного регионального противника»¹⁵.

¹² Пуховая Е.Д. «Шиитский полумесяц» как современный геополитический феномен: виртуальная или реальная угроза? (по материалам канала «Ал-Джазира») // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 4. С. 82–83.

¹³ Tahaluf 'Islamiyi Easkariyi li-Muharabat al'Irhab. Ean at-Tahaluf // URL: <https://imctc.org/Arabic/About> (дата обращения: 20.11.2021).

¹⁴ Tahaluf 'Islamiyi Easkariyi li-Muharabat al'Irhab. Ad-Dual al'Aeda'i // URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/MemberCountries/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.11.2021).

¹⁵ Косач Г.Г. Указ. соч. С. 86–87.

ПОЛИТИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРЦИИ

Формирование современного курса политики региональной безопасности Турции началось с прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г.¹⁶ Став для турецкого общества некоей «точкой политического равновесия», успехи в сфере экономики в совокупности с победой на выборах 2007 и 2011 гг. вселили в граждан значительную уверенность в будущем страны, что позволило руководству республики во главе с Р.Т. Эрдоганом проводить более решительную внешнюю политику на всех уровнях и направлениях¹⁷.

Концепция «Мир больше пяти» при правлении ПСР стала базовой константой внешнеполитического курса Турции. С одной стороны, через этот тезис Р.Т. Эрдоган призывает «установить справедливость» на международной арене путем расширения состава Совета Безопасности ООН, так как тот факт, что большинство вопросов решается «тремя странами Европы, одной страной из Азии и США», не отвечает интересам не только остальных членов Совбеза, но и интересам безопасности всего мира¹⁸. С другой же – таким образом лидер Турецкой Республики заявляет о претензиях своей страны на статус «хаба» – своеобразного центра притяжения, где соединяются потоки по векторам Север – Юг и Запад – Восток.

Политика региональной безопасности Турции также соответствует этой логике. Стратегическое расположение обеспечивает ей выход сразу к нескольким регионам: Закавказье, Ближний Восток, Средиземноморье, Черноморье и Европа. Немаловажным фактором стало вступление Турции в НАТО 18 февраля 1952 г. За долгие десятилетия сотрудничества в сфере безопасности отношения между Вашингтоном, Брюсселем и Анкарой развивались по-разному, накопилось достаточное количество противоречий, однако, несмотря на резкие заявления Р.Т. Эрдогана, на территории Турции по-прежнему сохраняются военные базы Альянса.

В любом случае было бы ошибкой полагать, что Анкара действует в фарватере Североатлантического альянса, так как сейчас турецкое руководство все сильнее отклоняется от прозападного курса, стремясь продемонстрировать свою независимость от США¹⁹. Риторика лидера Турции в отношении Запада не нацелена на разрыв отношений с американским и европейскими партнерами. Скорее она призвана подчеркнуть стремление к освоению «османского геополитического пространства», которое, следуя логике бывшего премьер-министра А. Давутоглу, включает в себя «владения бывшей Османской империи и все территории, где в настоящее время проживают мусульмане или турки»²⁰. Подобные устремления напрямую относятся к так называемому «неоосманизму», который по праву можно назвать одной из ключевых идеологием и геостратегией Турции, во внешней политике которой с начала 2010-х годов наблюдается значительное усиление восточного вектора, выражающееся в «небывалой активности» Анкары на Ближнем Востоке и интенсификации отношений с Ираном, целым рядом арабских государств и Шанхайской организацией сотрудничества²¹.

¹⁶ *Надеин-Раевский В.А.* Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1 (58). С. 139–140.

¹⁷ *Мейер М.С.* Неоосманизм как фактор перемен в геополитической ситуации на Ближнем Востоке // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / под ред. И.И. Абылгазиева. М., 2014. С. 202.

¹⁸ *Аватков В.А.* Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12 (4). С. 118–119.

¹⁹ *İnat K., Caner M.* Turk-Amerikan ilişkilerinde “eksen” sorunu // Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika (AK Party since its establishment. Foreign policy). İstanbul, 2018. P. 134.

²⁰ *Bilgin P.* Regional security in the Middle East – what is that we seek? // URL: https://www.sdu.dk/-/media/files/om_sdu/centre/c_mellemoest/videncenter/artikler/2015/september/150901__bilgin.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

²¹ *Надеин-Раевский В.А.* Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–85, 91.

7 июля 2010 г. был принят закон № 6004 «О создании и задачах министерства», на основе которого МИД Турецкой Республики функционирует в настоящее время²². Первый пункт документа гласит, что одной из приоритетных задач ведомства является «оказание поддержки устойчивому формированию и укреплению в регионе и в мире среды, способствующей справедливости и развитию»²³. На первый взгляд, подобная формулировка носит исключительно общий характер и имеет позитивный посыл. Однако при детальном рассмотрении выясняется, что в ней кроются немаловажные нюансы. Во-первых, присутствует прямая отсылка к названию правящей партии. Во-вторых, сообщается об амбициях Анкары на мировой арене. В-третьих, прямо указывается, что деятельность министерства должна быть направлена на реализацию потенциала Турции как региональной державы.

Иных официальных документов, где бы были более или менее четко сформулированы концептуальные основы турецкой внешней политики, для подтверждения или опровержения экспансионистских устремлений Анкары в публичном доступе найти нелегко. Базовой здесь считается «Красная книга», обновляемая на заседаниях Совета безопасности каждые пять лет и носящая закрытый характер. По причине отсутствия открытой внешнеполитической доктрины необходимо обращаться к материалам ежегодных совещаний послов, конкретным решениям и действиям турецкого руководства, а также книгам и статьям министров иностранных дел и иных причастных лиц.

При анализе политики региональной безопасности крайне важной является монография возглавлявшего МИД Турции в период 2009–2014 гг. А. Давутоглу под названием «Стратегическая глубина», на основе которой он позже сформулировал в одноименной статье принцип «ноль проблем с соседями»²⁴. Изначально данный принцип отражал миротворческие устремления, но со временем приобрел довольно агрессивное содержание, трансформировавшись в концепцию, предполагающую вмешательство во внутренние дела соседних государств, пускай и с целью стабилизации, но исключительно в интересах Анкары.

Практическое воплощение концепции «ноль проблем с соседями» (де-факто ставшего к тому моменту политикой «завоевания союзников») можно наблюдать в рамках сирийского конфликта, непосредственным участником которого Турция является с 2012 г. Анкара восприняла начало Гражданской войны в Сирии как «свою внутреннюю проблему»²⁵, что, с одной стороны, было связано с извечной проблемой курдского сепаратизма, а с другой — обуславливалось стремлением поддержать близких по духу ПСР исламистов, что прежде всего относится к «Братьям-мусульманам» (движение запрещено в РФ), которых события «арабской весны» привели в Египте к власти на короткий период.

Что касается основных, по версии турецкого руководства, вызовов и угроз, то данный вопрос был частично освещен в статье издания *Milliyet*, ссылавшегося на закрытый «Политический документ о национальной безопасности» в редакции 2015 г.²⁶:

1. Угроза безопасности общества, жизни и имуществу населения, гражданское неповиновение и народные восстания.

²² Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012 гг.) // Обозреватель-Observer. 2013. № 6 (281). С. 73.

²³ Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun № 004. Mevzuat Bilgi Sistemi // URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.6004.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

²⁴ Policy of Zero Problems with our Neighbors. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs // URL: <http://www.mfa.gov.tr/policy-of-zero-problems-with-our-neighbors.en.mfa> (дата обращения: 20.11.2021).

²⁵ Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М., 2017. С. 258.

²⁶ İşte Türkiye için yeni tehdit listesi! // URL: <https://www.milliyet.com.tr/gundem/iste-turkiye-icin-yeni-tehdit-listesi-2040175> (дата обращения: 20.11.2021).

2. Деятельность параллельных государственным структур и незаконных формирований, угрожающих национальной безопасности, препятствующих деятельности официальных органов власти.

3. Информационные и технологические угрозы, манипуляция гражданами через социальные сети, незаконный доступ к государственным документам стратегического и секретного характера, акты виртуального терроризма.

4. Деятельность террористических организаций, «эксплуатирующих» религиозный фактор («Исламское государство» (организация запрещена в РФ)), и «этнических террористических организаций» (Рабочая партия Курдистана (РПК) и партия «Демократический союз»).

Сразу привлекает внимание то, с какой прямолинейностью подчеркивается «курдский вопрос». Речь идет не только о запрещенной в Турции РПК, но и об одной из ведущих курдских организаций Сирии — «Демократическим союзе», который с 2014 г. де-факто выполняет функции правительства в Рожаве.

В одной из своих речей А. Давутоглу заявил, что Турецкая Республика не будет ограничиваться реализацией какой-то одной идеи, выразив это следующими словами: «Османская империя является частью нашей истории; ислам — одним из элементов нашей культуры; западноевропейская ориентация — историческим опытом, а тюркизм — направлением нашего движения»²⁷. Долгое время пантюркистский вектор движения Анкары был пускай крайне настойчивым и активным, но все-таки ограничивался инструментарием «мягкой силы». Однако осенью 2020 г. Турция громко заявила о своих амбициях в данном направлении, оказав политическую и прямую военную поддержку Азербайджану в ходе Второй карабахской войны. Особым пантюркистским символизмом обладал «Парад Победы» в Баку 10 декабря 2020 г., который И. Алиев и Р.Т. Эрдоган принимали вместе, называя друг друга «братьями», а погибших солдат — на турецкий манер «шахидами» (мучениками за правое дело)²⁸.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Говоря о сходствах и различиях в политике региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции, прежде всего следует отметить, что оба государства пользуются значительным влиянием не только в своих и сопредельных регионах, но и на мировой арене — об этом свидетельствует как минимум их членство в «Большой двадцатке» (G20). Имея высокий международный авторитет, значительный экономический и военный потенциал, Эр-Рияд и Анкара в теории могли бы стать «столпами» будущей архитектуры безопасности на Ближнем Востоке.

Совместное противодействие целому ряду общих вызовов и угроз внесло бы значительный вклад в стабилизацию всего региона. К тому же многие видят определенные сходства в саудовском и турецком подходах к вопросам безопасности. КСА и Турция напрямую связывают вопросы национальной безопасности с региональным уровнем, так как это соответствует логике продвижения их интересов и реализации амбиций. В частности, в пользу этой мысли подталкивает существование нескольких совпадающих сфер интересов в области региональной безопасности, которые особенно четко прослеживаются на примере сирийского конфликта, череды кризисов в Ираке и двусторонних отношений с Катаром и Ираном. Однако при детальном рассмотрении данные точки соприкосновения оказываются узлами противоречий, что обуславливает соперничество за региональное лидерство.

²⁷ Simavoryan A. Ideological Trends in the Context of Foreign Policy of Turkey // URL: http://www.noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID-5013 (дата обращения: 20.11.2021).

²⁸ İlham Əliyev və Türkiyə Prezidenti Rəcəb Tayyib Ərdoğan Vətən müharibəsində Qələbəyə həsr olunmuş Zəfər paradında iştirak ediblər // URL: <https://president.az/articles/48788> (дата обращения: 20.11.2021).

Саудовская Аравия стремится в первую очередь укрепить свою роль ведущего арабского государства через гегемонию в зоне Персидского залива, в то время как Турция нацелилась на утверждение себя в качестве центра так называемого «тюркского мира» и политического преемника Османской империи на просторах Ближнего Востока. В политике региональной безопасности это выражается тем, что:

1. Саудовская Аравия, опираясь прежде всего на экономическую мощь, формирует в регионе «суннитский блок», который необходим Эр-Рияду не только для противостояния шиитскому Ирану, но и для достижения лидирующей позиции королевства на Арабском Востоке. При этом имидж родины ислама используется саудитами для достижения весьма прагматических интересов²⁹.

2. Турция, активно используя инструменты как «мягкой», так и «жесткой» силы, создает физический пояс безопасности вокруг своих границ, для чего Анкаре требуется: а) постоянное присутствие своих войск в Сирии, Ираке и Закавказье и б) идейно-ценностное воздействие на соседей с целью укрепления собственного имиджа на мировой и региональной аренах.

При этом векторы политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции пересекаются как по географическим параметрам, так и в религиозном плане. Ареалы расселения арабских и тюркских народов объединяются подвижными границами «исламского мира», что приводит к столкновению саудовских и турецких интересов не только на просторах мусульманской ойкумены, но и в физическом пространстве Ближнего Востока, что можно кратко проиллюстрировать таблицей 1.

Конечно, для полного освещения проблемы требуется детальный анализ каждого из перечисленных кейсов в отдельности. Однако и общая динамика турецко-саудовских отношений за последнее десятилетие подтверждает многие выводы данной статьи.

Во время «арабской весны» 2010-х годов Анкара и Эр-Рияд значительно охладели друг к другу. Яблоком раздора между региональными «тяжеловесами» стали близкие по духу к ПСР египетские «братья-мусульмане», которые являются давними антагонистами официальных богословских кругов КСА. Не последнюю роль данный вопрос сыграл и в укреплении турецко-катарских отношений. Воспользовавшись политической блокадой Дохи со стороны Саудовской Аравии, ОАЭ и Египта, Турция смогла значительно укрепить сотрудничество с Катаром в военной сфере. Саудиты были крайне недовольны присутствием турок в зоне Залива. Однако с приходом к власти нового короля в турецко-саудовских отношениях начали происходить позитивные подвижки. Знаковой здесь стала встреча Р.Т. Эрдогана с новым королем Салманом ибн Абд аль-Азизом, состоявшаяся 28 февраля 2015 г.³⁰

После этого некоторые эксперты и аналитики даже начали говорить о создании «турецко-саудовского альянса», нацеленного на вытеснение Ирана из Сирии и консолидацию воюющей оппозиции, но потепление было недолгим³¹. В 2017 г. Турция присоединилась к усилиям России и Ирана по мирному урегулированию в рамках Астанинского процесса. Во-первых, любое сотрудничество своих партнеров с Ираном КСА воспринимает крайне болезненно. Во-вторых, Турция ясно дала понять, что руководствоваться компромиссами в ущерб собственным интересам не собирается. Окончательно же кризис в отношениях между Эр-Риядом и Анкарой разразился после инцидента с убийством журналиста Джамала Хашукджи в октябре 2018 г.³²

Таблица 1 / Table 1

²⁹ Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19 (4). С. 551.

³⁰ Иванова И.И. Указ. соч. С. 365.

³¹ Эль-Лаббад М. Крах турецко-саудовского стратегического альянса // URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/krakh-turetsko-saudovskogo-alyansa/> (дата обращения: 20.11.2021).

³² As-Sueudiah. Maelumat min Turkiya ean Khashuqi wa an-Niyabat Tuhaqiq // URL: <https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2018/10/25/اعلان-ب-ان-الام-ادع-ع-سل-الام-اع-اب-ان-ال>.html (дата обращения: 20.11.2021).

НАПРАВЛЕНИЕ	ПРИОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
	Саудовская Аравия	Турция
Сирия	<ul style="list-style-type: none"> • противодействие шиитским группировкам; • сдерживание влияния Ирана 	<ul style="list-style-type: none"> • противодействие курдским группировкам; • контроль над приграничными территориями
Ирак	<ul style="list-style-type: none"> • противодействие шиитским группировкам; • сдерживание влияния Ирана 	<ul style="list-style-type: none"> • противодействие курдским группировкам; • контроль над приграничными территориями
Катар	<ul style="list-style-type: none"> • подчинение общей (антииранской) линии ССАГПЗ; • пресечение поддержки невыгодных и противоречащих КСА исламистов 	<ul style="list-style-type: none"> • сотрудничество в оборонной сфере; • совместная поддержка «Братьев-мусульман» и других идейно близких ПСР исламистов
Иран	<ul style="list-style-type: none"> • конфронтация за контроль над зоной Персидского залива; • опосредованное противостояние в арабских странах региона с суннитским и шиитским населением (Ливан, Сирия, Ирак, Йемен); • противодействие ядерной программе совместно с США 	<ul style="list-style-type: none"> • потенциальное партнерство в решении «курдского вопроса»; • опосредованное противостояние в Сирии (поддержка враждующих фракций); • эпизодическая кооперация на уровне дипломатии по сдерживанию США в регионе

Источник / Source: составлено авторами.

Здесь необходимо отметить, что в контексте региональной безопасности для Турции проблема Ирана не является столь принципиальной для Саудовской Аравии, так как Анкара, в отличие от Эр-Рияда, видит в Тегеране не экзистенциальную угрозу, а скорее потенциального партнера в решении курдского вопроса. При этом и саудиты, и турки недовольны иранским присутствием в Сирии. Тем не менее, если КСА имеет прямые линии столкновения с ИРИ в Персидском заливе и Йемене, то Турецкая Республика сталкивается с иранцами достаточно опосредованно.

Не менее интересно складывается ситуация и в отношениях с общим союзником — США. После терактов 11 сентября 2001 г. и последовавшими за ними событиями Саудовская Аравия всеми силами старается демонстрировать свою приверженность международной борьбе с терроризмом. Ваххабитская суть заставляет королевство тщательно выбирать себе союзников из числа негосударственных акторов и проявлять сдержанность в риторике. Благодаря такому поведению Эр-Рияд продолжает наращивать сотрудничество с Вашингтоном в оборонной сфере, вовлекая американцев в такие проекты, как ИВАК и Глобальный центр по борьбе с экстремистской идеологией.

Турция же, наоборот, будучи постоянным членом НАТО, всячески демонстрирует свою самостоятельность, а Р.Т. Эрдоган позволяет себе резкие высказывания в адрес западного сообщества в целом и США в частности. Особенно отчетливо флуктуации американо-турецких отношений видны на примере сирийского кризиса, где, не считая схожей позиции по официальному Дамаску и режиму Башара Асада, цели Анкары и Вашингтона

весьма противоречивы³³. В контексте региональной безопасности «курдский вопрос» в Сирии для турецкого руководства куда важнее вопросов присутствия России и вмешательства Ирана, с которыми Турция ведет диалог.

Таким образом, становится видно, что различий в политике региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции оказывается гораздо больше, чем сходств. При детальном анализе все аспекты, кажущиеся на первый взгляд точками соприкосновения, оказываются проблемными узлами, которые могут сказаться не только на отношениях между Анкарой и Эр-Риядом, но и на ситуации во всем регионе.

России для продвижения собственных интересов на Ближнем Востоке необходимо учитывать данные факторы, чтобы выстраивать эффективное взаимодействие с ключевыми региональными акторами на двусторонней основе. При этом глубокое понимание специфики современного политического курса Саудовской Аравии и Турции невозможно без учета исторической динамики развития этих государств.

Библиография

Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12 (4). С. 113–129.

Алиева А.И. «Сирийская проблема» в турецко-американских отношениях // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18 (4). С. 790–805.

Беренкова Н.А. Бахрейн и региональная шиитская солидарность // URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/> (дата обращения: 20.11.2021).

Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012 гг.) // Обозреватель-Observer. 2013. № 6 (281). С. 73–88.

Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М., 2017.

Косач Г.Г. Саудовская Аравия сегодня // Свободная мысль. 2018. № 2 (1668). С. 83–96.

Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских стран Залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов // Нации и национализм на мусульманском Востоке / отв. ред. В.Я. Белокреницкий. М., 2015. С. 455–464.

Мейер М.С. Неоосманизм как фактор перемен в геополитической ситуации на Ближнем Востоке // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / под ред. И.И. Абылгазиева. М., 2014. С. 198–203.

Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–92.

Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1 (58). С. 139–156.

Останин-Головня В.Д. Саудовская Аравия и региональная суннитская солидарность // Сборник по итогам III международного конкурса студенческих научно-аналитических работ по ближневосточной проблематике им. Е.М. Примакова. 2019 / под ред. В.А. Аваткова. М., 2019. С. 104–114.

Политика безопасности стран современного Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. М., 2021.

Пуховая Е.Д. «Шиитский полумесяц» как современный геополитический феномен: виртуальная или реальная угроза? (по материалам канала «Ал-Джазира») // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 4. С. 82–90.

Чиркизова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19 (4). С. 545–565.

Эль-Лаббад М. Крах турецко-саудовского стратегического альянса // URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/krakh-turetsko-saudovskogo-alyansa/> (дата обращения: 20.11.2021).

Amin Eam Majlis at-Taewun li-ash-Sharq al-'Awst: Dukhul al-Quaat al-Khalijiat lil-Bahrayn laysa badi'ah // URL: <https://archive.aawsat.com/details.asp?section-4&article-612744&issue-no-11796#.YoJhKfNBy-8> (дата обращения: 20.11.2021).

As-Sueudiah. Maelumat min Turkiya ean Khashuqi wa an-Niyabat Tuhaqiq // URL: <https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2018/10/25/الابوابانلادعوىعسلالامالابانل>.html (дата обращения: 20.11.2021).

³³ Алиева А.И. «Сирийская проблема» в турецко-американских отношениях // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18 (4). С. 801–802.

Bilgin P. Regional security in the Middle East – what is that we seek? // URL: https://www.sdu.dk/-/media/files/om_sdu/centre/c_mellemoest/videncenter/artikler/2015/september/150901__bilgin.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.

Dişişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun № 6004. Mevzuat Bilgi Sistemi // URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.6004.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

İlham Əliyev və Türkiyə Prezidenti Rəcəb Tayyib Ərdoğan Vətən müharibəsində Qələbəyə həsr olunmuş Zəfər paradında iştirak ediblər // URL: <https://president.az/articles/48788> (дата обращения: 20.11.2021).

İnat K., Caner M. Turk-Amerikan ilişkilerinde “eksen” sorunu // Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika (AK Party since its establishment. Foreign policy). İstanbul, 2018. P. 109–135.

İşte Türkiye için yeni tehdit listesi! // URL: <https://www.milliyet.com.tr/gundem/iste-turkiye-icin-yeni-tehdit-listesi-2040175> (дата обращения: 20.11.2021).

Policy of Zero Problems with our Neighbors. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs // URL: <http://www.mfa.gov.tr/policy-of-zero-problems-with-our-neighbors.en.mfa> (дата обращения: 20.11.2021).

Ru'yah Al-Mamlakah Al-Arabiyyah As-Sa'udiyah 2030: Al-Ifitahiyah // URL: <https://vision2030.gov.sa/ar/foreword> (дата обращения: 20.11.2021).

Ru'yah As-Sa'udiyah 2030: Ru'yah Tamuha li'Umat Tamuha // URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/v2030/overview/> (дата обращения: 20.11.2021).

Sitavoryan A. Ideological Trends in the Context of Foreign Policy of Turkey // URL: http://www.noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID-5013 (дата обращения: 20.11.2021).

Tahaluf 'Islamiyi Easkariyi li-Muharabat al'Irhab. Ean at-Tahaluf // URL: <https://imctc.org/Arabic/About> (дата обращения: 20.11.2021).

Tahaluf 'Islamiyi Easkariyi li-Muharabat al'Irhab. Ad-Dual al'Aeda'i // URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/MemberCountries/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.11.2021).

References

Alieva A.I. “Sirijskaja problema” v turetsko-amerikanskikh otnoshenijakh [The “Syrian problem” in Turkish-American relations] // Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Vestnik RUDN. International Relations]. 2018. Vol. 18 (4). P. 790–805. (In Russ.)

Avatkov V.A. Idejno-cennostnyj faktor vo vneshnej politike Turcii [Ideology and values in Turkey’s foreign policy] // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2019. T. 12 (4). S. 113–129. (In Russ.)

Berenkova N.A. Bahrejn i regional'naja shiitskaja solidarnost' [Bahrain and Regional Shiite Solidarity] // URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/> (access date: 20.11.2021). (In Russ.)

Chikrizova O.S. Saudovskaja model' razvitija dlja “mira islama”: osobennosti i ogranichenija [Saudi Model of Development for the “World of Islam”: Features and Limitations] // Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Vestnik RUDN. International Relations]. 2019. Vol. 19 (4). S. 545–565. (In Russ.)

Druzhilovskiy S.B., Avatkov V.A. Vneshnepoliticheskie ideologemy Turcii (2002–2012 gg.) [Foreign policy ideologemes of Turkey (2002–2012)] // Obozrevatel'-Observer. 2013. № 6 (281). S. 73–88. (In Russ.)

El-Labbad M. The collapse of the Turkish-Saudi strategic alliance // URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/krakh-turetsko-saudovskogo-alyansa/> (access date: 20.11.2021). (In Russ.)

Ivanova I.I. Jevojucija blizhnvestočnoj politiki Tureckoj Respubliki (1923–2016) [The Evolution of the Turkish Republic’s Middle East policy (1923–2016)]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Kosach G.G. Saudovskaja Aravija segodnja [Saudi Arabia today] // Svobodnaja mysl' [Free Thought]. 2018. № 2 (1668). S. 83–96. (In Russ.)

Melkumyan E.S. Sovet sotrudnichestva arabskikh stran Zaliva kak institut obespechenija nacional'noj bezopasnosti stran-chlenov [Cooperation Council for the Arab States of the Gulf as an institution for ensuring the national security of member countries] // Nacii i nacionalizm na musul'manskom Vostoke [Nations and nationalism in the Muslim East] / otv. red. V.Ja. Belokrenickij. Moskva, 2015. S. 455–464. (In Russ.)

Meyer M.S. Neosmanizm kak faktor peremen v geopoliticheskoj situacii na Blizhnem Vostoke [Neo-Ottomanism as a Factor of Changes in the Geopolitical Situation in the Middle East] // Globalistika kak oblast' nauchnyh issledovanij i sfera prepodavanija [Global Studies as a Field of Research and Teaching] / pod red. I.I. Abylgazieva. Moskva, 2014. S. 198–203. (In Russ.)

Nadein-Rayevskiy V.A. Vneshnjaja politika Turcii: vetry peremen [Foreign policy of Turkey: Winds of change] // Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World Economy and International Relations]. 2013. № 2. S. 84–92. (In Russ.)

Nadein-Rayevskiy V.A. Politika Turcii na Blizhnem Vostoke [Turkey’s policy in the Middle East] // Puti k miru i bezopasnosti [Paths to peace and security]. 2020. № 1 (58). P. 139–156. (In Russ.)

Ostanin-Golovnya V.D. Saudovskaja Aravija i regional'naja sunnitskaja solidarnost' [Saudi Arabia and Regional Sunni Solidarity] // Sbornik po itogam III mezhdunarodnogo konkursa studentcheskikh nauchno-analiticheskikh rabot po blizhnvestochnoj problematike im. E.M. Primakova [Collection of the III Primakov International Competition of Student Scientific and Analytical Works on the Middle]. 2019 / pod red. V.A. Avatkova. Moskva, 2019. S. 104–114. (In Russ.)

Politika bezopasnosti stran sovremennogo Vostoka [Security Policy of the Countries of the Modern East] / pod red. D.V. Streltsova. Moskva, 2021. (In Russ.)

Pukhovaya E.D. “Shiitskij polumesjac” kak sovremennij geopoliticheskij fenomen: virtual'naja ili real'naja ugroza? (po materialam kanala “Al-Dzhazira”) [The “Shiite Crescent” as a Modern Geopolitical Phenomenon: Virtual or Real Threat? (based on the materials of the channel “Al-Jazeera”)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie [Vestnik MGU. Oriental Studies]. 2013. № 4. S. 82–90. (In Russ.)

Amin Eam Majlis at-Taewun li-ash-Sharq al-'Awst: Dukhul al-Quaat al-Khalijiat lil-Bahrayn laysa badi'ah // URL: <https://archive.aawsat.com/details.asp?section-4&article-612744&issueno-11796#.YoJhKfNBy-8> (access date: 20.11.2021).

As-Sueudiah. Maelumat min Turkiya ean Khashuqji wa an-Niyabat Tuhaqiq // URL: <https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2018/10/25/البيان-لادعوى-عسلا-اماعلا-بئانل>.html (access date: 20.11.2021).

Bilgin P. Regional security in the Middle East – what is that we seek? // URL: https://www.sdu.dk/-/media/files/om_sdu/centre/c_mellemoest/videncenter/artikler/2015/september/150901__bilgin.pdf (access date: 20.11.2021).

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.

Dişişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun № 6004. Mevzuat Bilgi Sistemi // URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.6004.pdf> (access date: 20.11.2021).

İlham Əliyev və Türkiyə Prezidenti Rəcəb Tayyib Ərdoğan Vətən müharibəsində Qələbəyə həsr olunmuş Zəfər paradında iştirak ediblər // URL: <https://president.az/articles/48788> (access date: 20.11.2021).

İnat K., Caner M. Turk-Amerikan ilişkilerinde “eksen” sorunu // Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika (AK Party since its establishment. Foreign policy). İstanbul, 2018. P. 109–135.

İşte Türkiye için yeni tehdit listesi! // URL: <https://www.milliyet.com.tr/gundem/iste-turkiye-icin-yeni-tehdit-listesi-2040175> (access date: 20.11.2021).

Policy of Zero Problems with our Neighbors. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs // URL: <http://www.mfa.gov.tr/policy-of-zero-problems-with-our-neighbors.en.mfa> (access date: 20.11.2021).

Ru'yah Al-Mamlakah Al-Arabiyyah As-Sa'udiyah 2030: Al-Ifitahiyah // URL: <https://vision2030.gov.sa/ar/foreword> (access date: 20.11.2021).

Ru'yah As-Sa'udiyah 2030: Ru'yah Tamuha li'Umat Tamuha // URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/v2030/overview/> (access date: 20.11.2021).

Simavoryan A. Ideological Trends in the Context of Foreign Policy of Turkey // URL: http://www.noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID-5013 (access date: 20.11.2021).

Tahaluf 'Islamiyi Easkariyi li-Muharabat al'Irhab. Ean at-Tahaluf // URL: <https://imctc.org/Arabic/About> (access date: 20.11.2021).

Tahaluf 'Islamiyi Easkariyi li-Muharabat al'Irhab. Ad-Dual al'Aeda'i // URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/MemberCountries/Pages/default.aspx> (access date: 20.11.2021).